

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИТИН ИГОРЬ

КОРРЕКТОР

Митин Игорь
Корректор

«Автор»

2026

Игорь М.

Корректор / М. Игорь — «Автор», 2026

Бывает такое, что в один и тот же день очень вежливые Агенты контроля ведут тебя в твою же лабораторию — сдавать по описи проекты, на которые ты прожёл всю свою жизнь. И для убедительности держат в заложниках твоих родителей. А жена в тот же день сообщает о разводе. И заодно — что уходит к твоему ассистенту. И ты понимаешь: это не совпадение. Тогда я думал только о том, как выбраться. Куда именно меня вынесет — я даже представить не мог. Даже предусмотрительность не бывает абсолютной. Но я подготовился достаточно, чтобы выйти из этой западни. И даже живым. Почти.

© Игорь М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Митин Игорь Корректор

Пролог

Я умираю... Суки... Ненавижу! В ушах звенит. Я поворачиваю голову вправо — и вижу, что вместо руки, чуть выше локтя, теперь кровавый обрубок. Ещё немного — и мне бы разорвало грудь. Всё-таки хоть редкие походы в спортзал дали плоды... Рубашка и когда-то белоснежный рабочий халат — в лохмотьях, пропитаны кровью. Я буквально ощущаю, как с каждым стремительным ударом сердца жизнь уходит. С каждым толчком из этой раны вылетает кровь — она уже образовала лужу возле меня.

Суки! Суки! Суки! Я знал, что этому ублюдку нельзя доверять. Им всем нельзя. Одни сидят у власти, другие делают грязную работу. Ублюдки. Ненавижу! Ненавижу! НЕНАВИЖУ!

— Ремень... Чёрт возьми, ремень... — Я хватаю его из последних сил, изуродованной, но ещё рабочей левой рукой. Разум мутнеет. С каждой секундой всё темнее, тише. Тук... тук... Сердце бьётся всё слабее. Смерть шепчет: «Хватит сопротивляться. Закрой глаза. Успокойся. Покойся, Покойся...»

— Хер тебе в глотку! — рывкаю я.

За массивной дверью, похожей на вход в бомбоубежище, слышны глухие взрывы. Последняя линия обороны — боевые дроны. Они выигрывают мне пару минут. Пол под ногами вибрирует. Снопы искр летят из аппаратуры, которая стоит, как несколько крупных городов.

— Предатели... Кругом одни предатели, — шепчу, сплёвывая кровь и слюну.

Моя бывшая. Та ещё сука. Ушла с тем, кого я считал способным преемником, хоть и недалёковидным. Доверие — это риск, который не всегда оправдывается.

Тук... тук... В голове туман. Всё как во сне. С трудом фокусируюсь. Всё сложнее... Всё же мне удаётся затянуть ремень на культи.

— Чёрт, больно... — говорю вслух. — Хорошо. Значит, живой.

— Двенадцатый! — зову я своего дрона-помощника. — Срочно! Принеси боевую сыворотку А-200!

Маленький дрон, чуть меньше футбольного мячика, мигает синим: приказ принят. Он беззвучно срывается с места. Я, опираясь на стол, встаю на четвереньки, потом на ноги. Голова кружится. Слышу новый взрыв. Пол дрожит. Падаю, ударяясь головой о стол.

Пять минут максимум — и сюда ворвутся солдаты Континентального Союза. Псы жирных ублюдков, королей мира. Всё пошло не так из-за неё. Из-за этой твари. Ну и хер с ней. Сам виноват, что поверил.

— Инъектор с сывороткой А-200 доставлен, — докладывает дрон.

— Коли! Быстрее! — Макс, предупреждая: А-200 предназначена для солдат в бою. Без медицинского вмешательства последствия могут быть...

— Заткнись и коли! — кричу, брызжа розовой пеной.

— Под вашу ответственность, — спокойно отвечает дрон, прикладывает шприц к шее. Щелчок.

В ту же секунду по телу разливается пламя — коктейль из кипятка и перца. Волна магмы сжигает боль, страх и сомнение. Ясность. Холодный разум. А-200 — сыворотка смертника. «Двести для двухсотого», как называют её десантники. Обменять одну жизнь на несколько жизней врага.

— Двенадцатый! Разбуди досмотровую капсулу проекта «Хронос»!

— Прости, Макс. Для этого требуется...

— Да заткнись! Код доступа: 08679774

— Пароль принят. Реактор капсулы выйдет на базовую мощность через 1 минуту 32 секунды.

Шум за дверью стих. Хорошо, охрана сдержала волну. Осталось совсем мало времени. Я встаю. Рука зудит, значит сработали биопротекторы, закрывая разорванные сосуды и запечатывая рану.

— Двенадцатый, что у меня с доступом?

— Права администратора действуют.

— Создай канал, обнови данные на капсуле.

— Готово. Зафиксированы попытки взлома — используется минимум несколько кластеров из «Квант-4».

Я понимаю, почему так всполошились правительственные ублюдки. Официально проект признан «неликвидным», но перешёл в госсобственность. Моё детище — моё! Я отдал полжизни ради возможности предотвратить преступления. А они хотят лишь больше власти. Больше денег. И конечно, ведь нулевой реактор «не годится для серийного производства». Слишком нестабилен. А вот обычная ПЭС — при аварии уничтожит всё живое на сотни километров. Безопасно, ага...

— Двенадцатый, подай питание на проект «Янус».

— Недостаточно прав. Нужен администратор проекта.

— Ожидаемо... Тридцать секунд — и мои права обнулят. Эти псы работают быстро. — Вход в другую учётную запись. Пароль: «чемодан голых карликов».

— Учётная запись «Хексус» активна. Запускаю проект «Янус».

— Отрежь «Хронос» от сети. Создай защищённый канал между ним и «Янусом».

— Выполняю...

Со стороны двери — шипение, искры. Их режут. Я должен паниковать, но нет — эффект А-200. Их сдерживает только жадность: жажда захватить проект себе.

— Двенадцатый! Команда для капсулы: после активации переместиться внутрь станции — в полуметре от капсулы «Янус».

— Нереализуемо. Капсула не может проходить сквозь стены.

— Тогда так: вернуться во времени в момент, когда станции ещё нет, затем прыжок на +1 секунду — в заданную точку.

— Команда отправлена. Капсула появится через 1 секунду после набора мощности.

— Двенадцатый, уничтожь сервера проектов «Янус» и «Хронос».

— Физическое уничтожение повлечёт потерю 95% вычислительной мощности. Подтверждаешь?

— Подтверждаю. Хоть взорвись — но сотри всё к чёртовой матери!

— Принято. Уточнение после последней команды. Жду упрощённый приказ.

— Если люк капсулы откроется — залети внутрь и жди.

Дрон взмыл вверх, исчезнув, как молния.

Передо мной — второй проект. «Янус». Горизонтальная капсула, почти как криокапсула, но внутри — ложемент, без защитного геля. Перенос сознания в более молодое тело самого себя. Я собирался вернуться в прошлое и плюнуть бывшей в лицо. А другу — устроить несчастный случай.

Сорок лет я был альтруистом. Теперь всё. Я вернусь в прошлое, выберу подходящее тело и загружу в него свой разум. Я больше не буду спасать этот мир. Я засуну в его задницу всех, кто так стремится туда забраться... если бы я был моложе — назвал бы себя злодеем. Но знаете что? Хер вам. Из двух зол побеждает то, которое злее. Потом оно же и называет себя Добром.

Они устроили «несчастный случай» моим родителям. Поставили срок, сказали: «Успей завершить проект». Но я уже всё завершил. Даже протестировал.

Открываю панель. Трудно делать всё одной рукой. И конечно — правую оторвало. Ладно. Главное — два стабилизатора и нагнетающий контур. ... в этот момент передо мной появляется «Хронос». Капсула — как ртутная капля, покрытая сеткой излучателей. Идеальна. Внутри — кресло и экран, обращённый к голове.

Искры за дверью стихли. Тяжёлая дверь падает.

— Он жив! Убить его! Осторожно! Не повредите оборудование!

Секунды на счёте. Я хватаю модуль... но у меня слишком мало крови и одна рука. Капсула сообщает: «Запуск. Проверка систем...»

Возвращается дрон. И — врежется в хронокапсулу. Второй удар — выстрел из «Толкача». Хронокапсулу сдвигает. Я падаю в ложемент «Януса» — наполовину.

— Герметизация через три... два... один...

ЩЕЛК.

Наверное, из-за боевого стимулятора, который неплохо так разошёлся по телу, боли я не почувствовал, когда капсула в мгновение ока разрубила моё тело напополам. Я лишь услышал щелчок — с характерным чавкающим и похрустывающим звуком. Спустя секунду я понял, что не чувствую ног... да и вообще ничего не чувствую. Понимая, что у меня осталось два, ну, максимум три вдоха, и я уже не жилец, я глубоко вдохнул и закрыл глаза...

Как я говорил, хронокапсула поняла, что здесь ей делать нечего — её атакуют, а единственный способ уйти — прыгнуть во времени. Раскинув экранирующее поле, она исчезла, утащив за собой всю материю с внутренней стороны этого поля.

Закрыв глаза, я почувствовал себя песчинкой, попавшей в огромный торнадо — настолько беззащитной, хрупкой и незаметной для этого урагана.

Но мне было спокойно. Да, я проиграл... но проиграл не сдавшись. В голове мелькнула мысль, что нужно было прыгать в хроно-капсулу. Я бы мог найти то время, где можно было бы наворовать детали для постройки «Януса»... но эта умная мысль пришла слишком поздно.

С полуприкрытыми глазами, прилагая все усилия, чтобы сделать свой последний вдох, я заметил, что абсолютную тьму сменила мягкая, тёплая дневная светотень. Сознание медленно проваливалось, гасло... и вдруг пришло осознание: я не могу не то что вдохнуть — даже закрыть веки. Сквозь морок забвения я слышал бодрый голос капсулы «Янус»:

— Аварийный источник активирован. Поиск... Проверка заданных параметров. Параметры отсутствуют. Считывание матрицы оператора... Матрица считана. Поиск подходящей сигнатуры... Найдено совпадение: 53%. Продолжаю поиск... Найдено совпадение: 78%... Продолжаю поиск... Найдено совместимость: 96%... Поиск совместимости... Опасность: критическое повреждение оператора. Выполняю немедленный перенос...

И тут всё закружилось. Ощущение было такое, будто я — как вода в кружке. Я осознаю себя водой. Я чувствую кружку. Но... вдруг появляется ощущение, что кто-то взял эту кружку и начал переливать. Мне, воде, это не нравится. Я не хочу! Я знаю эту кружку. Я хочу остаться в ней! Нет... Нет! Я не знаю, куда меня переливают. Я не знаю — и не хочу знать. Хватит.

Пытаюсь кричать — без слов, мысленно, сопротивляюсь, но меня никто не спрашивал...

Только монотонный голос «Януса» звучал где-то вдалеке:

— Выгрузка матрицы оператора — 26%. Коррекция носителя произведена. Выгрузка матрицы — 49%... коррекция... 72%... коррекция матрицы... 93%... коррекция... Полная коррекция носителя завершена. Выгрузка — 100%. Полная синхронизация личности будет выполнена через 24 часа и 21 мииииии...

Звук повис звенящим, затухающим эхом.

И почему-то я решил закончить за него.

Я произнёс, то ли детским, то ли подростковым, ещё не хриплым, но уже мужским голосом:

— ...минуты.

Глава 1

Где я?! А что важнее — кто я?!

Слова дались с трудом. Чувство безмятежности резко оборвалось — вместо него меня настигла дикая головная боль. Такая, что первой мыслью было: нужно схватиться за голову и биться ею об стену, пока она не стихнет.

Попытка вдохнуть носом провалилась. Вместо свежего воздуха или хотя бы кислорода в горло попала смесь моих же соплей и крови. Да, как говорится — вкус знакомый с детства. Раньше мне часто приходилось биться с хулиганами, и разбитый нос никогда не был в новинку. Зубрил очкариков всегда не любили — даже если они не носили очки.

Не открывая глаз, сильным харчком сплёвываю всё, что попало в рот с тем злосчастным вдохом. И тут сразу слышу:

— Ах ты, выродок, живой ещё?! На белую рубашку!

Сразу чувствую — по многострадальной голове прилетает удар. Сознание снова начинает покидать меня...

Перед тем как уйти то ли в Царство Анубиса, то ли к Морфею, слышу голоса:

— Пошли отсюда! Вы видели, сколько у него с носа крови вытекло? Вдруг сейчас правда сдохнет... Уходим! Уходим!

Последняя мысль на краю сознания: «Да ёб твою... не сдох от десантников — так шпана помогла».

Меня будит прохладный воздух. Запах хвойного леса и влажного бетона. Открываю глаза — вижу, что лежу на своей руке. Да, чёрт возьми, моей руке! Это моя правая рука!

Стоп. Или не моя? Это явно не рука взрослого человека.

В мозгу проносится череда событий, будто гудящий локомотив на полном ходу несётся, а в стороны от него разлетается снег, оголяя свежие воспоминания.

Мысли путаются. Уже темно. Бабушка с дедушкой будут волноваться...

Нет. Подожди. Их же нет. Они умерли ещё до моего рождения. Меня воспитывали мама и папа.

Папа был инженером — ремонтировал дроны.

Мама — художник... Да! Да! Точно — художник! Я помню, как она рисовала нас с моей женой Алькой тогда, на пляже.

Алина!

Я сел, опершись об ещё тёплую бетонную стену. Кулаки сжались сами по себе. Сука... Она сливала всю информацию наверх, к пузатым уродам в серых костюмах, которые... которые...

Слёзы подступили к глазам, ком — к горлу. Они убили моих родителей.

Нет... Мои родители погибли во время репортажа. Рухнуло здание. Мои?.. Нет, не мои. А может, мои?..

Я не понимаю, кто я.

Я — Анто... Нет! Нет! Нет! Я — Макс. Максим Андреевич Лир!

Тогда почему я — Антон? Я не Антон! Или?..

Делаю глубокий вдох и выдох.

— Да вашу мать, почему сейчас со мной так?.. Почему я ничего не понимаю?

Шёпотом задал вопрос в пустоту.

Я знал, что Янус был только прототипом, и его не тестировали... Ага, Янус. Антон знал о Янусе?.. Нет, не знал. Значит, я — Макс. Да, я — Максимус. Точно! Меня так называл мой друг Суреш.

В голове проносится воспоминание о Суреше. Мне — 31. Проект Хронос существует только в моей голове. В лабораторию заходит смуглый, худощавый парень, который пугливо озирается по сторонам — наверное, так бы себя чувствовал грешник, случайно попавший к Богу на аудиенцию, обманув всех, сказав:

— Да я только глянуть... одним глазком.

И после этого у нас в лаборатории появилась крыса. Умный, да. Прекрасно разбирался в том, что он воровал. Но ума не хватило понять всю картину. Да, оно будет работать. Но не так, как надо. И уж точно не как единое целое. Представляю, что с ним сделают его заказчики, когда узнают, что он поставлял им хрень, которая не работает как следует.

И жёнушка моя. Она-то думала, что с ним её ждёт счастье и безбедное существование. А вместо этого её будет ждать сморщенный хер потного старика, который нужно постоянно наяривать, чтобы не сдохнуть от голода.

Я встал на ноги и облокотился на пустой проём окна многоэтажки. В лицо дул свежий, приятный ветер. Вдалеке раскинулся лес — на несколько километров.

Хочу пить. Во рту пересохло, и слегка покачивает... Но, чёрт возьми, я выбрался. Я жив.

Спустившись по лестнице, я увидел большую синюю пластиковую бочку, на крышке которой была дождевая вода. Грязи в ней не видно, пыль осела на дне — без зазрения совести втянул прохладную влагу, пополоскал рот и сплюнул. Затем повторил, но на этот раз сделал пару глотков.

— Ну здравствуйте, микробы. Заждались? — усмехнулся про себя.

Нет... Стоп. Свистун будет!

Какой, нахер, Свистун?

А! Так мой дед называл понос...

Мой дед?

Ах ты ж, блядь... Опять режим «я — не я». Угадайте, кто я?

Надо идти домой... А где он?

Память Антона подсказала: по дороге — прямо. Туда. Правильно.

Дорога по лесу, несмотря на недавний дождь, оказалась на удивление сухой. Видимо, благодаря неприхотливым хвойным деревьям, растущим на песчанике.

С приближением к посёлку вопросов становилось всё больше.

Почему модуль Янус всё же отработал? И почти как надо. Ладно, этот вопрос можно отложить. Принцип любого инженера: если что-то непонятно — смотри логи.

А вот где сейчас моё оборудование — уже можно было догадаться. Для переноса нужно прямое и короткое расстояние. Вероятнее всего, на той горе за посёлком. Появление капсулы и высота здания обеспечили прямой путь с минимумом помех.

И всё-таки мне жаль того паренька, у которого совместимость наших матриц оказалась 96%.

Фактически, я его убил. Нет, даже хуже — я стёр его. Я даже не представляю, какие ощущения у него были, когда безжалостная машина отгрызала кусок за куском от его сознания.

Ведь этот проект изначально планировался для переноса в пустые клонированные тела, а по документам так вообще иное. Или хотя бы в тех, у кого нет самосознания. В крайнем случае — занять своё молодое тело. Но это уже вопрос этики.

Я подошёл к ободранному, старому, но ещё крепкому кирпичному дому. Большие железные ворота, выше человеческого роста, покрыты коррозией. Рядом — убогий, полусгнивший забор.

У колонки возле дома нажал на рычаг — полилась холодная вода. Я с жадностью напился, сколько смог. А когда понял, что нужно идти в дом и что там меня может ждать, в голове пронеслось воспоминание детскими голосами:

— Уничтожитель тормозной жидкости. Антон. Ржавые ворота.

Я открыл калитку и шагнул во двор. Под дрожащим светом одной лампы сидел мужчина — пожилой, в поношенной кепке, старом коричневом пиджаке в клетку, спортивных штанах и галошах. Его вид сбивал с толку: одежда будто нарочно подбиралась назло здравому смыслу. Я остановился, растерявшись от визуального диссонанса.

— Ну чего, внучок, застыл? Проходи, — негромко сказал он.

Помолчав, добавил:

— Да не бойся ты, не трону.

— Честное пионерское? — спросил я, даже не подумав.

— Честное, честное, — выдохнул он, выпуская струю дыма.

Я подошёл ближе. Его глаза расширились.

— Твою ж... Кто это тебя так?

И хотя выглядел он хрупким, двигался быстро: буквально за секунду оказался рядом.

— Ой, бля... — выдохнул он. — Давай-ка, под свет.

Он бегло осмотрел мою голову, остановившись на затылке.

— Пробито... — буркнул он. — И ты даже не заметил?

Я и правда не придавал этому значения — думал, головная боль осталась от Януса, а не от какой-то раны.

— Как ты вообще на ногах держишься? Бутылкой, что ли, по башке? Глянь, какой разрез... — Он хмыкнул и посмотрел на меня серьезнее. — Кто приложил? И за что?

— Без понятия, — ответил я, почти не соврав. — Очнулся — уже вечер был. Пошёл домой.

— Ладно, мученик... Сейчас зелёнку принесу, заодно кастрюлю на плиту поставлю. Не мыть же тебя ледяной водой.

Он уже уходил, когда пробормотал себе под нос:

— Хотя стоило бы. Может, дурь бы вышла...

Я сел на скамейку возле сарая и стал ждать. В голове всплыла сцена — паспорт, что я когда-то держал в руках. Имя: Пётр Константинович.

Со стороны соседского дерева свисало яблоко. Желудок сдал сигнал: урррр...

Я встал, дотянулся до яблока, сорвал его и надкусил.

Фу... кислятина. Но жрать хотелось так, что плевать — сморщившись, я доел.

На крыльцо вышел дед.

— Иди сюда. Повернись спиной.

Я послушно встал, как велел. Он положил руку мне на плечо.

— Соседи спят, — проговорил он, словно между делом.

Соседи? Причём тут они?... — подумал я. И тут почувствовал резкое жжение. До меня дошло — зелёнка. Я стиснул зубы, вытерпел.

— Что, не больно? — нахмурился дед, взглянув в лицо.

— Терпимо. Бывало и хуже, — ответил я рассеянно, не отрываясь от мыслей.

— Это когда? — спросил он, уже разворачиваясь к дому.

— Когда... руку... — начал я и осёкся.

Он обернулся. Свет бил мне в глаза, я не мог разглядеть выражение его лица, но голос прозвучал с нажимом:

— Руку что? У тебя ещё и рука?

— Нет, с рукой всё нормально... Просто вспомнил, как однажды крапивой обжёгся, — ответил я на ходу, выкручиваясь.

— Ну смотри... — вздохнул он и ушёл в дом.

Он, кажется, и не поверил. Но и не стал настаивать — видимо, думал, что успеет всё сам рассмотреть, когда пойдёт купать.

Через несколько минут он вернулся, принеся ведро с горячей водой.

— В баню марш! — скомандовал.

Я подошёл, подхватил ведро, перехватив его из рук деда.

— Иди вперёд, дверь открой, — сказал я.

— Хмм, — усмехнулся он и зашагал по тропинке.

На деле это был вовсе не жест заботы с моей стороны — я просто не знал, где баня. Пришлось импровизировать, иначе возникли бы лишние вопросы.

Баня оказалась кирпичным сараем с низким потолком и ржавой железной печью, сваренной кем-то явно не по нормам. Ни полок, ни камней. Только вешалка, пень, на котором стоял таз с облупившейся оцинковкой, и огромная железная кружка. Свет — от тусклой лампочки накаливания.

Я вдруг осознал: это не двадцать первый век. И уж точно не двадцать четвёртый. Это, чёрт возьми, двадцатый.

Лампочки накаливания ведь ещё в двадцать первом веке запретили — как неосветительный, а нагревательный прибор.

— Чего застыл? Раздевайся. Или думаешь, тут надышать можно? — выдернул из мыслей дед. — Давай-давай, не замёрзнешь.

Я начал стягивать майку. Он уже выходил, когда сказал:

— Натрёшься — голову не мочи. Приду, сам помою. И воды оставь хотя бы на тазик.

Я остался один. Только сейчас заметил маленькое зеркало в оконце — старое, ржавое, будто от трактора. Подошёл ближе, взгляделся.

На меня смотрел подросток лет двенадцати-четырнадцати. Тёмные волосы, слегка опухший нос, разбитая губа, серые глаза.

Типичный европеец времён до глобальных миграций и военных конфликтов. Тогдашняя ядерная гонка держала мир в хрупком равновесии — либо ты под крылом ядерной державы, либо в глуши без удобств, либо терпи. А если не терпишь — прилетит.

В таких державах и проросла насквозь прогнившая коррумпированная система, позже названная Континентальным Союзом.

— Тошка, ты там не уснул? — донеслось с улицы.

Так дед называл своего внука Антона. Меня ли он звал? Или Антона?

— Не могу найти мыло! — крикнул я, имитируя раздражение.

— За пеньком посмотри. Или в кружке.

Нашлось — в кружке. Я поднёс к телу прохладную воду. И понял: да, сейчас это нужно. Хоть как-то снять напряжение.

После банных процедур, вытерпев повторную экзекуцию с зелёнкой, мне выдали чистый комплект одежды: полосатую майку, синие шорты и — по последнему писку местной моды — резиновые калоши.

— А теперь марш домой! — скомандовал дед, замахнулся для подзатыльника, но быстро одёрнул руку — видимо, вовремя вспомнил про мою многострадальную голову.

Зайдя в дом, я ощутил странное смешение чувств: с одной стороны — привычное домашнее спокойствие, с другой — чувство, будто я нахожусь на экскурсии в музее. В центре комнаты на длинном проводе висела старая лампочка накаливания, освещающая проходы в другие комнаты, низкие и тёмные.

— Ну чего стал? Не голодный, что ли? — раздался голос деда. — Беги на кухню, там на плите кастрюля. Ешь, пока не прокисло.

Живот занял от голода, но память упорно молчала: в какую сторону идти? Подумав, что я человек испорченный, решил идти налево — и угадал.

На двухкомфорочной газовой плите стояла небольшая алюминиевая кастрюля. У окна виднелся кухонный стол, на нём — пустой цветочный горшок, забитый ложками и вилками.

Живот снова издал своё нетерпеливое урррр, и я, решив не терять времени, стал искать чашку и половник. Чашку нашёл быстро, но половника, увы, не оказалось.

Пришлось черпать суп ложкой — понемногу переливая его в чашку, я боролся с желанием просто припасть к кастрюле и сделать пару глотков прямо оттуда. Наконец, победив в этом сражении с собственным голодом, я опустошил две чашки самого вкусного супа в жизни — во всяком случае, именно так он мне показался в тот момент.

После еды я ощутил, как по телу разливается тепло и усталость.

Дойдя до спальни, желание не уснуть, а именно вырубиться было практически непреодолимо.

Окинув взглядом комнату, я заметил неубранную кровать с разбросанными вещами и сразу понял, какая из них моя. Не раздеваясь, я улёгся на мягкую перину и почти мгновенно провалился в сон.

Я открыл глаза от резкого солнечного света, пробивавшегося через окно. Снаружи раздавались невнятные крики, что-то с грохотом влетело в дом и ударилось о стену. Я вскочил с кровати и увидел, как дед бросается вперёд, прикрывая меня. В дверном проёме, где раньше была дверь, появился досмотровой дрон: лазерная сетка пронеслась по комнате, сканируя всё вокруг, и с такой же скоростью дрон исчез.

Снаружи слышались крики:

— Он здесь! Не вооружён! Берём его!

В комнату ворвались солдаты Континентального Союза в полупрозрачной камуфляжной броне. Их шлемы закрывали лица синими зеркальными стёклами, в руках они держали оружие, и если бы они замерли, казалось бы, что оружие само плывёт по воздуху.

— О, Господи... — успел лишь прошептать дед.

Вспышка выстрела — и ровный удар толкача разрывает его тело. Грудь превращается в кровавую дыру, тело выгибается, сзади вырывается фонтан крови, обрызгивая стену. Я захлебнулся воздухом — верхняя часть его тела безжизненно падает на ковёр. В его застывшем взгляде читается ужас и отчаяние. Но в этот миг я понимаю — это не его глаза. Это мои и моё лицо.

— Нет! Это не я! Я здесь! — с этим криком я просыпаюсь.

Сердце бешено колотится. Я оглядываюсь, пытаюсь найти хоть какие-то следы ночной бойни. Кровать деда аккуратно заправлена. В комнате тихо, лишь сквозь окно льётся яркий дневной свет, а в его лучах танцуют пылинки.

Я инстинктивно поднимаю руку, чтобы взглянуть на часы, но тут же вспоминаю — у меня их нет.

Вздохнув, я замечаю напротив большой деревянный шкаф с зеркалом. В нём на меня смотрит испуганный темноволосый паренёк. Я встаю с кровати, медленно подхожу к зеркалу, поднимаю руку и прикасаюсь к отражению, будто ожидая ответа от него — как будто этот мальчишка пытается что-то мне сказать.

Сердце постепенно успокаивается. Я улыбаюсь своему отражению и шепчу:

— Ну что, Максим Андреевич... или Антон Максимович? Теперь ты — почти Антошка.

С этого момента начнём с чистого листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.